

Три пространства

Над рабочим столом главного режиссера, художественного руководителя Малого драматического театра Санкт-Петербурга фотографии Антона Сахарова. Ни мой вопрос, почему именно Сахаров, Додин кратко ответил: «Сердечная привязанность».

Об этой привязанности я вспомнил гораздо позже, когда размышляла о сегодняшнем феномене додинского театра, девизом которого можно считать слова его руководителя: «Никто за тебя ничего не сделает. А делать ты можешь всегда, в любых обстоятельствах, даже если тебе приходится существовать наперекор им, но согласно себе во всем». Распаду (не только страны, но человеческих связей и душевных свойств) можно противопоставить лишь самосуществование, обновление через художественные усилия. Такого крело Мастера.

В этом театре ощущение праздника. И не потому, что в нем нетеряты и отлакированы полы, а потому, что чистота - принцип его существования. И в этом попытка противостояния. «Потому что легче всего сказать, что где-то там - грязь, а потому будет грязь и у нас, а из-за того, что кто-то не работает, не будем работать и мы. Мы способны работать, и, значит, мы обязаны это делать. И главное - это, может быть, единственное, что сегодня доставляет радость». Таков Додин, таковы его актеры.

Я иногда думаю, что в процессе репетиции одной пьесы Додин и его труппа ставят несколько спектаклей. И сейчас, репетируя «Разбитый кушан» Клейста, перепробовав множество вариантов, и с «Бесами» было так же. Вовсе не потому, что работа над романом Достоевского длилась около пяти лет, а потому, что идет постоянный процесс открытия, глубинного постижения драмы, поисков гармонизации, образного обобщения.

Спектакль «Бесы» для театра эталонный. Дало не в феномене десятичасового психомпиритжения сцены и зрительского зала.

Очевидно, что для Додина самым существенным в «Бесах» являются те картины прошлого, а то, что Достоевский говорит о будущем: «Истинно, что сбудутся Россия, ее глубочайшая суть не меняется. Мы освобождаемся от одной иллюзии, но тут же возникает другая. Это страшно. И дело не в ошибках, а в людях, которые их совершают». Вероятно, поэтому театр рассматривает «Бесовство» как социально-психологический, а не политический феномен. «Когда мы начинали несколько лет назад набрасывать наброски из начального варианта «Бесов», политический, разоблачительный пафос значил для нас гораздо больше, чем сегодня», - говорит Додин. - «Вместе с жизнью от него излечились. То есть пророчества сбылись, и чего ж тут еще добавлять и на этом «танцевать»...»

Инсценировку Додин делал, постоянно проверяя и уточняя ее с артистами в ходе репетиций. Актер в этом театре - фигура

особая. Он всегда соавтор, не исполнитель, а творец.

Актеры небольшой по составу додинской труппы живут трудно. Их творческий ритм достаточно напряженный и отличен от многих коллег других театров. У репетиций нет временных границ. «Это своего рода убежище или лечебница», - говорит Додин, - единственная возможность заниматься духом».

Додинская школа продолжает жить не только в стенах Малого драматического театра, но и в стенах ЛГИТМИКА, где Лев Абрамович руководит актерско-режиссерской мастерской. Большая часть труппы - ученики Додина по ЛГИТМИКУ. Школа, что прошла и продолжает проходить артисты, позволяя им демонстрировать не только абсолютную способность к перевоплощению, но и театральность, одно из выражений которой - безукоризненность формы. Эти качества в первую очередь относятся к ведущей актрисе театра Татьяне Шестаковой. Именно она олицетворяет додинской эстетики, творческих критериев Мастера. Шестакова, по определению писателя Владимира Максимова, «потолок органичности, дотануться до которой не дано никому из партнеров». Ее Мария Тимофеевна (Хромоножка) в «Бесах» - знаменитая явление искусства - камертон спектакля, центр зрительского притяжения. Недаром десятичасовое действо начинается с ее, Марии Тимофеевны, монолога, задающего стиль и ритм сценической версии романа Достоевского.

Но это еще не погрешение. Оно наступило на следующий день, вернее утро. Когда я увидела, как Шестакова играет Анну в «Знаху на утреннем небе» - сослагательный, уродливый, спиливающий протесту, у которой неизуродованной осталась только душа. Играет Шестакова на грани натуралистического гротеска и подлинной трагедии, вызывая у зрителя сначала смех, затем рыдания.

Появление на сцене Малого драматического театра Евгения Лебедева в спектакле «Любовь под вязами» скорее закономерность, чем случайность. Актер театра перевоплощения, Лебедев не только органично вписался в актерский ансамбль спектакля, но стал его главной движущей силой. Он носитель философии автора и мысли режиссера. Через жизнь его Эфраима Кабота зритель проходит путь постижения смысла любви, страдания, жизни.

Оталанте перевоплощения додинских актеров говорят работы Сергея Бехтерева и Петра Самаха. Вспомним единодушно отмеченного критикой Верховенского - беса, сыгранного Бехтеревым не в метафорическом, а в прямом значении слова. Здесь существо не

Льва Додина

ино мира, а пугающе житейское и знакомое. Тогда как в «Звездах на утреннем небе» Бехтерев (Александр) - ангел-спаситель, скорее духовная, чем физическая плоть. Два разных облика, две философии, два полярных способа существования, воздействия на партнеров и зрителей.

Глядя на афишу Малого драматического театра, кажется, что Додин избирает каждую последующую пьесу, чтобы отдохнуть от эстетики предыдущего автора. Ф. Достоевский и И. Тургенев, Ф. Абрамов и А. Гельман, У. Голдинг и А. Галин, А. Черный и Е. Шварц, О'Нил и Клейст... Но всегда режиссеру удается найти эмоциональную концепцию спектакля, создать эмоциональный ряд. В его спектаклях мизансцены возникают не сами по себе, в связи с потребностью роли, а выстраиваются в соответствии с «идеями». В соотношении артиста-человека и пространства, которое его окружает, в изменении этого пространства и атмосферы - один из секретов додинского театра. Но раскрывает он свои секреты, как правило, в соавторстве с художником. Один из подлинных соавторов Додина - Эдуард Кочергин.

Идея христианского театра - три пространства - реализована в сценграфии «Бесов».

Пространство ада - внизу, в трюме. Из него выходят и туда погружаются. Пространство земли - сама сцена. Она скошена, словно все на этой земле неуравновешенно, нестабильно. И наконец, рай, куда ведет «лестница покаяния». Вось спектакль - между пертью и раем, по лестнице из ада в рай. «Потому что грешник может стать праведником, если он покается. А покаяние очень важная тема у Достоевского», - говорит Кочергин. И если определять образ спектакля «Бесы», то это «лестница покаяния». Лестница, по которой в финале взбирается сопричастная Ставругиным и наложившая на себя руки девочка Матреша - символ греха и святости. Лестница как бы зарифмовала самоубийство девочки и Ставругина. Так, Кочергину удалось создать сценорафический образ России.

Иное пространство освоено актерами в спектакле «Любовь под вязами» - натуральный, фактурный, осязаемый театр, где все первоначально - дубленая спина земли, покрытая настоящими валунами, шкуры и домашняя утварь, мешки, набитые сеном, и потрескивание костра, на котором и в самом деле жарится свинина. Земля - сцена, а на ней - человек.

В том и другом спектакле особая роль отведена свету. Для Кочергина свет - важная ипостась профессии, категория концептуальная. Такова конфликтная игра света и мрака в «Бесах», где лица и фигуры меняются, а сама световая партия так же трехчастная, как вся поэтика спектакля. Сценорафией и светом передан на сцене текст Достоевского: «Мелкий тонок дождь пронизал всю окрестность, поглосшая всякий отблеск и всякий оттенок и обирающая все в одну дымную, свинцовую, безразличную массу. Давно уже был день, а казались, все еще не рассвело».

Иная драматургия у живого, часто меняющегося света в «Любови под вязами», живущего, как герои, в грядущем любви-ненависти, в динамике страстей. И лишь медленный диск, плывущий по черному небу, - выразительная пауза, осмысленное движение времени, быстротечности жизни.

Световой занавес - один из «любимых» приемов, используемых Додины и Кочергина каждый раз по-новому. В «Бесах» он создает ощущение постоянно задмынною воздуха на сцене и неустойчивости человеческой фигуры в пространстве, делает ее языкой, лишней опоры, приподнятой над землей. В «Вязях» - фигуры значимые, выразительные, живые - иная энергия света. Человек спаян с землей, он, живущий на этой земле, открыт всем земным бодам,

страстям и страданиям. Эту мысль подчеркивает музыкальный лейтмотив спектакля - древнейшее ветхозаветное песнопение - мощный прием эмоционального обобщения.

Вообще музыка в спектаклях Додина - не оформление, а неотъемлемая часть действия, музыкальной драматургии, творящая с актером на равных. Режиссер сотрудничал со многими известными композиторами - Шнитке, Гаврилиным, Каравайчуком... Творческий альянс с последним в работе над «Бесами» - подлинное соавторство, ибо в музыке Сергея Каравайчука - звук, дыхание, атмосфера романа. Музыкальный язык - разрушенный голос, отреченное, полусмешанное пение-лепетание, одиноко пульсирующее из темноты.

А чего стоит песенка А. Пахмутовой «олимпийского периода» про Мишку в спектакле «Звезда на утреннем небе»? Вплетенная в контекст сценического действия, она становится то трагифарсовым произведением, то возникает темой отпадения Марии - жертвы рабского сознания окружающих ее людей, изуродованных режимом. Или же свирдовского «Время, вперед!» - музыкальный занавес того же спектакля... Воистину, две гениальные просто.

Нет надобности писать о многочисленных и триумфальных зарубежных гастролях Льва Додина и его «львят». Точно так же, как нет необходимости говорить, что живет театр сегодня благодаря материальной поддержке заграничных спонсоров. Все заново - дома денег нет. Но научимся ли мы когда-нибудь ценить то, что имеем? Ведь феноменальный успех Додина за рубежом почти пять лет и нирорировался у нас.

Стоит ли удивляться, что и сегодня одна из главных забот Додина - обустройство здания театра. Уже давно есть проект реконструкции жилого дома, в котором расположен МДТ. Режиссер мечтает расширить имеющийся зал и построить новый. Он также хотел бы, чтобы его школа находилась в здании театра. Кроме того, есть предложение создать международный мастер-класс на базе Малого драматического. Но пока негде.

Понятие «Театр - Дом» для Додина определяющее. Он часто отказывается от выгодных предложений поставить спектакль за рубежом, если считает, что это повредит его главному делу - Малому драматическому театру.

Сотворить чудо - нелегко, еще труднее - сберечь его. Додин об этом помнит.

Ирина ГОРЮНОВА.

С.-Петербург - Москва.